

© 2010 г. АННА А. ЗАЛИЗНЯК, И.Л. МИКАЭЛЯН, А.Д. ШМЕЛЕВ

ВИДОВАЯ КОРРЕЛЯТИВНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: В ЗАЩИТУ ВИДОВОЙ ПАРЫ

Понятие видовой пары является одним из центральных понятий русской аспектологии, вокруг которого, однако, не прекращаются споры, вплоть до сомнений в его необходимости. Делаются утверждения, что в некоторых случаях удобнее оперировать не понятием видовой пары, а понятием «аспектуальной тройки» [Храковский 2005], а иногда понятие видовой пары объявляется устаревшим и предлагается вообще отказаться от него в пользу понятия «видового кластера» [Janda 2007].

Развивая взгляд на русскую аспектуальную систему, изложенный в наших работах [Зализняк, Шмелев 2000; 2001; 2004; Гиро-Вебер, Микаэлян 2006], мы хотим обсудить аргументы, порождающие эти сомнения, чтобы, обнаружив их слабые места, реабилитировать понятие видовой пары¹.

В данной работе мы широко используем появившуюся в последние годы возможность тестирования интуиции исследователя с помощью данных словоупотребления в языке русского Интернета, которые отражают реальную языковую практику носителей русского языка.

1. ТОЖДЕСТВО ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ЧЛЕНОВ ВИДОВОЙ ПАРЫ

Ключевым для теоретического и практического описания русского вида является представление, согласно которому видовую пару образуют глаголы, имеющие тождественное лексическое значение и различающиеся только видом. Это представление разделяется практически всеми аспектологами и иногда формулируется в явном виде (см. [Маслов 1984: 27; Падучева 1998: 35; Guiraud-Weber 2004: 24] и др.). Е.В. Петрухина называет его аксиомой [Петрухина 2000: 53]; В.С. Храковский пишет, что оно является базовым и в дальнейшем обосновании не нуждается [Храковский 2005: 47]. Это представление поддерживается тем, что разнovidовые глаголы, образующие видовую пару, как правило, переводятся на иностранные языки одним и тем же глаголом, а также распространенным словоупотреблением, при котором глаголы несов. и сов. вида трактуются как формы одного глагола – ср. словосочетания типа «глагол *X* в форме сов. вида» и, даже в большей мере, «глагол *X* в сов. виде». Заметим, что эти выражения используются лингвистами независимо от того, какой точки зрения они придерживаются относительно статуса категории вида (т.е. является ли она словоизменительной или словоклассифицирующей).

Представление о тождестве лексического значения членов видовой пары предполагается столь очевидным, что обычно никаких критериев установления этого тождества не формулируется. Между тем, здесь имеется весьма непростая проблема, связанная с разграничением «лексического» и «грамматического» значения в толковании глагольной лексемы.

Если считать, что значение слова манифестируется его толкованием, то тождество значений двух слов означает тождество их толкований. Тем самым, при решении вопро-

¹ Отдельные фрагменты данной работы отражены в публикациях: [Mikaelian, Shmelev, Zalizniak 2006; 2007; 2008; 2009; Mikaelian, Zalizniak 2007; Зализняк, Микаэлян 2007; Шмелев 2008a; 2008b].

са о том, составляют ли два глагола видовую пару, необходимо сравнить их толкования и, отделив грамматическое значение от лексического, установить наличие или отсутствие тождества лексического значения. Для этого, очевидно, необходимо знать, какие смысловые компоненты относятся к грамматическому значению вида. Единственный способ состоит в том, чтобы взять все видовые пары, сравнить в каждой из них толкование глагола сов. и несов. вида, и то, что в них окажется различным, и будет относиться к грамматическому значению. Таким образом, здесь возникает порочный круг, поскольку для такой работы исследователь должен сначала установить сами видовые пары. В реальной практике авторы, которые используют метод толкования, так и поступают: толкование, в действительности, используется не для установления парности глаголов на основании тождества их лексического значения, а, наоборот, для установления различий в значении глаголов противоположного вида, для которых парность считается уже установленной.

При этом, поскольку как совершенный, так и несовершенный вид имеют ряд частных значений (в особенности это касается несовершенного вида), для того чтобы производить семантическое сравнение разнородных глаголов, требуется решить, в каком из частных видовых значений эти глаголы будут рассматриваться. В тех работах, которые используют метод толкования, обычно принимается решение сравнивать глагол несов. вида в его «основном» значении, т.е. в том, которое является специфичным для несов. вида и в котором глагол несов. вида противопоставлен соответствующему глаголу сов. вида в максимальной степени. С этой точки зрения «основным» значением глагола несов. вида (и несов. вида вообще) признается актуально-длительное значение [Падучева 1996; Апресян 2005].

Естественно, что при этом сравниваемые толкования оказываются существенно различными. Так, Ю.Д. Апресян [Апресян 2005] предлагает следующие толкования: *Х решает Р* = 'Х обдумывает информацию, имеющую отношение к Р, с целью получить ответ на содержащийся в Р вопрос'; *Х решил Р* = 'Х решал Р [пресуппозиция]; Х получил ответ на содержащийся в Р вопрос [ассерция]'. Как кажется, на основании этих толкований, без принятия каких-то специальных соглашений относительно того, какие различия «считаются», а какие нет, невозможно установить, обладают ли глаголы *решать* и *решить* тождественным лексическим значением.

Фактически же, лексическое тождество глаголов сов. и несов. вида понимается как особый тип семантического противопоставления, которое объявляется «чисто видовым». При этом, несмотря на то, что еще А. Исаченко обосновал неприемлемость такого решения [Исаченко 1960/2003: 157–158], наиболее укоренившимся представлением, по крайней мере в учебной литературе, остается убеждение в том, что грамматическое значение видового противопоставления может быть описано как 'процесс' vs. 'результат этого процесса'.

Выходом из этого порочного круга, казалось бы, могла бы быть рекурсивная процедура, при которой в качестве индуктивной базы берутся лишь «бесспорные» видовые пары, установленные на чисто морфологической основе, т.е. такие, где глагол несов. вида представляет собой морфологический имперфектив глагола сов. вида (*открыть* – *открывать*, *понять* – *понимать*, *опоздать* – *опаздывать*, *простудиться* – *простужаться* и т.д.), и результаты, полученные на этом массиве (т.е. выявленные типы семантических противопоставлений, манифестирующих грамматическое значение вида), в дальнейшем применять к «спорным» видовым парам (например, образованным при помощи префиксации, перфективирующих суффиксов, супплетивным и т.д.): если оно соответствует одному из установленных ранее типов, то пара признается видовой, если нет, то нет².

² Примерно такая работа была проделана в книге [Гловинская 1982] на материале около 400 видовых пар русского языка, в результате чего было установлено четыре стандартных (основных) и ряд второстепенных типов смысловых противопоставлений, выражаемых видом. Всего же таких противопоставлений насчитывается более двадцати [Апресян 1980: 66], что, тем не менее, «заведомо не исчерпывает всего словаря» [Падучева 1996: 85].

Однако, во-первых, количество морфологических имперфективов, не образующих видовые пары, вовсе не так незначительно: помимо обычно упоминаемых в данной связи псевдопар *заблудиться – заблуждаться*, *умолить – умолять* и *настоять – настаивать* (на своем), можно назвать *заняться – заниматься*, *отнестись – относиться*, *предпочесть – предпочитать*, *счесть – считать*, *поклониться – поклоняться*, *презреть – презирать*, *уважить – уважать* и многие другие. Во-вторых, наличие такого семантического противопоставления между глаголами противоположного вида, которое встречается в парах глаголов, признаваемых видовыми, заведомо недостаточно для утверждения о видовой парности данных глаголов, так как существует множество пар глаголов, находящихся в таких же семантических отношениях, но не образующих видовую пару. Так, практически всегда признаются парными глаголы типа *почувствовать – чувствовать*, *понравиться – нравиться* с так называемым перфектным семантическим отношением между сов. и несов. видом, однако глаголы несов. вида в «парах» *полюбить – любить*, *узнать – знать*, *лечь – лежать* и т.п. принято относить к *imperfectiva tantum*. И, в-третьих, поскольку исходной базой установления возможных типов расхождений были не все видовые пары русского языка, а лишь некоторое их подмножество (см. сноску 2), нет никаких гарантий, что оставшиеся за пределами нашей базы аналогии видовые пары не реализуют какие-то другие, не учтенные нами типы соотношений. Все эти обстоятельства делают процедуру установления видовой коррелятивности исключительно на семантической основе в высшей степени ненадежной.

Итак, тождество лексического значения, безусловно являясь неперенным условием и, в некотором смысле, основным «содержанием» видовой коррелятивности (ведь видовую пару составляют глаголы, различающиеся только видом!), не может, однако, в силу неоперациональности этого понятия, служить критерием установления видовой коррелятивности³, или, другими словами, не входит в определение видовой пары.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВИДОВОЙ КОРРЕЛЯТИВНОСТИ

2.1. Контексты обязательной имперфективации: критерий Маслова

Как известно, наряду с семантическим, в аспектологии существует функциональный критерий видовой коррелятивности – так называемый критерий Маслова. Мы полагаем, что только этот критерий является основанием для установления видовых пар и позволяет говорить о грамматическом характере видовой корреляции в русском языке.

Сразу отметим, что понятие «функциональных видовых пар», используемое, например, в [Lehmann 1988; Гак 1996], кажется нам не вполне корректным. Понятие «функциональных пар» было предложено для того, чтобы противопоставить «бесспорные» видовые пары, типа *переписать – переписывать* или *сделать – делать* и пары, не удовлетворяющие общепринятым формальным или семантическим критериям. К функциональным парам относят такие разные явления, как отношения между делимитативом и исходным глаголом (*почитать – читать*), отношение между приставочным глаголом сов. вида и бесприставочным глаголом несов. вида, входящими в так называемую «видовую тройку» (*цепляться – уцепиться – уцепляться*), и, наконец, случаи, когда глаголу сов. вида соответствует в несов. виде словосочетание (*заговорить – начинать говорить*, *заблудиться – сбиваться с пути*). Мы считаем, что видовая пара – понятие по определению функциональное. Другое дело, что говорить о видовых парах имеет смысл только в случае, если в корреляцию вступают именно глаголы (а не словосочетания). Вопрос о статусе делимитативных пар и «видовых троек» мы рассмотрим ниже.

³ Термин «видовая коррелятивность» мы употребляем как синоним термина «видовая парность»; соответственно, «видовым коррелятом» некоторого глагола мы называем глагол противоположного вида, образующий с данным видовую пару.

Критерий Маслова – это тест на возможность замены глагола сов. вида *X* на глагол несов. вида *Y* в контекстах обязательной имперфективации⁴, т.е. в условиях, в которых, по правилам русской грамматики, глагол сов. вида употреблен быть не может. К таким контекстам относятся, прежде всего, повествование в настоящем историческом (и в сходных с ним настоящем репортажным и настоящим театральным ремарок) и контекст многократности; эти два контекста мы будем называть контекстами Маслова; другие контексты имперфективации мы рассмотрим отдельно ниже (раздел 2.2).

В контекстах Маслова глагол сов. вида с необходимостью заменяется на некоторый глагол несов. вида, который, можно сказать, выступает в качестве его «позиционного варианта» – в ситуации, когда глагол сов. вида употреблен быть не может. В этом и только в этом случае можно говорить о видовой коррелятивности в собственном смысле слова. Другими словами, глаголы *X* и *Y* образуют видовую пару тогда и только тогда, когда глагол несов. вида *Y* может заменять глагол сов. вида *X* в контексте Маслова; это и есть определение видовой пары. Заметим, что именно в этом случае можно говорить также о тождестве лексического значения: глагол несов. вида используется вместо глагола сов. вида для обозначения того же самого события⁵, что и глагол сов. вида (см. об этом подробнее пункт 4 настоящего раздела), ср.:

- (1) Тут он *почувствовал* острую боль, *схватился* за сердце и *упал*. – Тут он *чувствует* острую боль, *хватается* за сердце и *падает*.

Замена в позиции обязательной имперфективации является доказательством того, что сам язык рассматривает подставляемый глагол несов. вида как «тот же самый глагол, только в несов. виде»: тот же самый, т.е. имеющий, в частности, то же самое лексическое значение. Таким образом, эта процедура дает нам ответ на вопрос о том, какие пары глаголов в русском языке обладают тождественным лексическим значением – гораздо более точный, чем семантический анализ, не использующий понятие «обязательной имперфективации».

Хотя критерий видовой коррелятивности Маслова был сформулирован в 1948 г. (см. [Маслов 1984]) и вошел в аспектологический инструментарий уже несколько десятилетий назад, он до сих пор не стал общепринятым. Ниже мы просуммируем аргументы, которые могут быть выдвинуты против теста Маслова как критерия видовой коррелятивности (ср., в частности [Перцов 2001: 124–127]), а также перечислим некоторые трудности, возникающие при его применении, которые обнаружились в ходе нашей собственной работы. Как мы постараемся показать, все проблемы, возникающие в связи с применением критерия Маслова, так или иначе решаются и тем самым ни в коей мере его не компрометируют.

1. Как уже было сказано, контексты Маслова могут служить критерием видовой коррелятивности, потому что в них происходит автоматическая замена совершенного вида на несовершенный. Возражения могут возникнуть относительно самого понятия «автоматической замены». Поясним, что имеется в виду.

Прежде всего, остановимся на понятии «замены». Мы не хотим сказать, что каждый раз, произнося фразу в наст. историческом, говорящий сначала строит фразу в прошедшем времени, а потом переводит ее в режим наст. исторического (и то же самое – для многократности), но такая схема представляется наиболее адекватной моделью порождения предложений интересующего нас типа.

Следующий вопрос: в каком смысле можно говорить об «автоматической» замене? Замена производится автоматически в том смысле, что в контекстах Маслова, согласно правилам русской грамматики, может быть употреблен лишь несовершенный вид глаго-

⁴ Термин введен в [Зализняк, Шмелев 2001].

⁵ Слово «событие» здесь и далее используется как наименование типа ситуации, обозначаемой глаголом сов. вида. Содержательно это концепт фрагмента действительности, включающий дискретную точку перехода от одной ситуации к другой (например, от процесса к результирующему состоянию) или две таких точки; ср. понятие «cambio» в [Antinucci, Gebert 1975], «changement» в [Guiraud-Weber 1986: 599], «смена ситуаций» в [Шатуновский 1996: 309–317].

ла, поэтому глагол сов. вида должен быть «автоматически», т.е. исключительно в силу требований контекста, заменен на глагол несов. вида. Иными словами, мы имеем дело с чем-то вроде позиционной мены (аналогичной, например, оглушению звонких согласных в конечной позиции).

Другой вопрос – насколько однозначным является выбор самого глагола несов. вида. В этом смысле замена является полностью автоматической лишь для части глаголов, а именно, тех, у которых имеется только один кандидат на роль имперфективного коррелята (*переписать* – *переписывать*; *открыть* – *открывать*, *решить* – *решать*, *прийти* – *приходить*, *сказать* – *говорить* и т.п.). В других случаях тест Маслова может давать разный результат, что подводит нас к проблеме «видовых троек» (*прочитать* – *прочитывать* / *читать*). Отметим сразу, что тот факт, что тест Маслова позволяет сопоставить одному глаголу сов. вида два глагола несов. вида, никак не ставит под сомнение существование пар как таковых, а лишь доказывает, что один и тот же глагол сов. вида может вступать в корреляцию с двумя глаголами несов. вида, т.е. образует две пары, при этом статус этих пар может быть весьма различным: от полной синонимии двух имперфективных коррелятов до их дополнительного распределения (см. подробнее раздел 4).

2. Критерий Маслова представляет собой диагностический тест. Это лингвистический эксперимент, в котором исследователь берет текст в прошедшем времени (реально существующий или искусственно сконструированный), содержащий цепочку глаголов сов. вида, и переводит его в режим наст. исторического или многократности – или предлагает сделать это другим носителям языка. Устанавливая для каждого глагола сов. вида, на какой глагол несов. вида он заменяется, исследователь делает вывод о том, что данные два глагола образуют видовую пару. Как и всякий лингвистический эксперимент, тест Маслова обладает тем недостатком, что на вопрос «Можно ли так сказать?» носители языка могут давать разные ответы, и с разной степенью уверенности (тем самым, результатом применения этого теста окажется не два четко противопоставленных случая – «можно» и «нельзя», а целый спектр вариантов).

В принципе, возможна и обратная процедура – в тексте, написанном в наст. историческом или описывающем многократно повторяющиеся события, «восстановить» тот глагол сов. вида, который был «заменен» данным глаголом несов. вида, ср.:

- (2) Он *открывает* дверь, *входит* в квартиру и *видит*... – Он *открыл* дверь, *вошел* в квартиру и *увидел*...

Эта трансформация может быть предложена иностранным студентам в качестве тренировочного упражнения на употребление уже заученных видовых пар, однако при попытке произвести такого рода операцию на реальных текстах в наст. историческом возникает множество проблем, так как «исходных» глаголов сов. вида может оказаться более одного, а может и не оказаться вовсе, ср. выделенные разрядкой глаголы в следующих отрывках:

- (3) Он *приходит* домой, *моет* руки и *садится* за стол. – Он *пришел* домой, *помыл* / *вымыл* руки и *сел* за стол.
(4) У зеркала Тата *поправляет* свои волосы. Я *подхожу* и *обнимаю* ее. Она *смеется*. *Удивляется*, что я стал такой храбрый. Она *обнимает* меня так, как когда-то на лестнице. Мы *целуемся*. И в сравнении с этим весь мир *кажется* мне ничтожным (М. Зощенко. Приходи завтра).

Так, в примере (3) может быть «восстановлен» как глагол *помыть*, так и глагол *вымыть*; в примере (4), если здесь «восстановить» прош. время, то в зависимости от интерпретации ситуации можно сказать и *поправила*, и *стала поправлять*; и *поцеловались*, и *стали целоваться*. Это обстоятельство, однако, несколько не компрометирует тест Маслова, где речь идет лишь о том, может ли глагол несов. вида *У* заменять в соответствующих контекстах глагол сов. вида *Х* – и тогда он является его видовым коррелятом. Вопрос о том, может ли глагол *У* заменять также какой-то другой глагол сов. вида

или глагольно-именное словосочетание *Z* – а именно эти обстоятельства затемняют картину при обратной процедуре «реконструкции» – в сферу действия теста Маслова не входит. Не говоря уже о том, что в наст. историческом в равной мере могут встречаться обозначения событий и процессов; в последнем случае в «исходном» тексте должен быть восстановлен глагол несов. вида, ср.:

(5) *Иду я вчера по улице и вдруг вижу... – Шел я вчера по улице и вдруг увидел...*

3. Существуют глаголы, к которым применим только один из контекстов Маслова. Это относится в первую очередь к глаголам движения, образующим особую подсистему в русском языке: так, например, глаголы *сходить* {за хлебом} (*сбегать* {за сигаретами}), *съездить* {в отпуск}) в итеративном контексте будут заменены на, соответственно, *ходить*, *бегать*, *ездить* (*Он каждое утро ходит за хлебом*), а в режим наст. исторического эти глаголы переведены быть не могут. Не могут они быть встроены и в цепочку событий, поскольку по правилам русского языка в таких случаях используется глагол однонаправленного движения: *Я сегодня встал рано, сходил в магазин, приготовил завтрак и сел работать. – Каждый день я встаю рано, иду/*хожу в магазин, готовлю завтрак и сажусь работать*. Тем не менее пара *сходить* – *ходить* является видовой парой, так как удовлетворяет критерию Маслова, а пара *сходить* – *идти* видовой пары не образует. Здесь дело в том, что на употребление глагола *ходить* в контексте цепочки событий накладываются дополнительные ограничения, глагол же *идти* ни в каком смысле не выражает события 'сходить'. О других типах глаголов, к которым применим только один из контекстов Маслова, см. [Зализняк, Шмелев 2000: 48].

4. Следующий аргумент против критерия Маслова состоит в том, что обозначать то же самое событие – это еще не обязательно значит иметь тождественное лексическое значение: одно и то же событие может быть обозначено как *Иван выиграл у Петра* и как *Петр проиграл Ивану*, ср. также *Иван полюбил Марию* и *Моя дочь связалась с негодяем* (пример из [Падучева 2004: 156]). На это следует возразить, что глагол несов. вида, заменяющий глагол сов. вида в контексте Маслова, не просто обозначает то же самое событие, но и одинаково его концептуализует. Отличия сводятся к тому, что глагол несов. вида, употребленный в контексте многократности, обладает соответствующим дополнительным значением (обозначает то же событие, с точностью до многократности), а в наст. историческом приобретает дополнительный, по сравнению с «исходным» глаголом сов. вида, признак «живописности» (событие описывается как происходящее «как бы на наших глазах»). Правда, есть еще два обстоятельства, затемняющие лексическое тождество глагола сов. вида и имперфективного глагола, заменяющего его в контексте Маслова.

1) Глагол несов. вида, появляющийся в контексте Маслова, во всех случаях, кроме «тривиальных» видовых коррелятов (типа *приходить*, *съедать*, *находить* {кошелек})⁶, не является семантически однозначным, поскольку его событийное значение контекстно обусловлено. Так, то, что во фразе *Он решает задачу и сдает тетрадь учителю* слово *решает* означает то же, что *решил* (а не *решал*) следует только из контекста (а именно, из включенности данного глагола в цепочку событий). Однако это не отменяет релевантности критерия Маслова, поскольку при его применении принимается во внимание лишь допустимость событийного прочтения данного глагола несов. вида, которую не отменяет наличие у глагола несов. вида других, не событийных значений. При событийном прочтении имперфективный глагол получает толкование, соответствующее значению его перфективного коррелята: так, *решает* в приведенном выше примере включает компонент 'получает ответ', отсутствующий у глагола *решать* в

⁶ «Тривиальным» видовым коррелятом мы называем такой парный глагол несов. вида, который не имеет никакого другого значения, кроме событийного, т.е. совпадающего со значением его перфективного коррелята; соответствующие видовые пары мы также называем «тривиальными» (термин был предложен Е.В. Падучевой).

других употреблениях (в которых указывается на деятельность, производимую с целью получения ответа, но ничего не говорится о том, была ли достигнута цель).

2) Глагол несов. вида, появляющийся в контексте Маслова, может утрачивать некоторые содержательные компоненты (т. е. он обозначает то же событие несколько более «схематично», не называя некоторых его аспектов, которые опять-таки устанавливаются из контекста; ср. употребления типа *рвать зубы* вместо *вырывать*, *крепить балку* вместо *прикреплять*). В этом случае мы, вообще говоря, не можем говорить о тождестве лексических значений и тем самым видовая коррелятивность не имеет места: имперфективным коррелятом (имеющим тождественное лексическое значение) для *вырвать* (зубы) будет *вырывать*, а для *прикрепить* (балку) – *прикреплять*. Однако, если такое употребление становится общепринятым, соответствующие аспекты значения начинают устойчиво ассоциироваться с бесприставочным глаголом несов. вида и он, таким образом, становится коррелятом к глаголу сов. вида.

Особо следует отметить случаи, когда для глаголов сов. вида некоторых способов действия, образуемых префиксальным способом, в контекстах Маслова либо не находится моноксемной замены (и тогда они не имеют собственно видового коррелята), либо заменой является соответствующий бесприставочный глагол. Имеются в виду глаголы дистрибутивного, пердуративного, инхоативного и делимитативного способов действия. Поскольку традиционно эти глаголы относятся к *perfectiva tantum*, мы рассмотрим эту проблему в соответствующем разделе (3.2).

5. Если исходить из того, что «основным» значением несов. вида является актуально-длительное, то против критерия Маслова может возникнуть то возражение, что повествование в наст. историческом и многократность – это периферийные контексты, поскольку они оба являются «вторичными» или производными, а наст. историческое – это вообще довольно искусственный контекст, с которым говорящий сталкивается крайне редко. На это можно возразить, что судя, например, по текстам, размещенным в русском Интернете, повествование в наст. историческом – вовсе не периферийная, а очень широко распространенная форма, в частности, в разговорной речи. Что касается итеративных контекстов, то они также весьма частотны, особенно если относить сюда производное от итеративного значение обобщения, ср. (6); см. также примеры в разделе 3.2.

- (6) Я думаю, что любовь на форуме встречает тот, кто ее специально не ищет – она сама нечаянно *нагрядывает*.

2.2. Прочие контексты имперфективации: отрицание

Помимо упомянутых выше «контекстов Маслова» – повествования в наст. историческом и многократности, в русском языке существует ряд других контекстов обязательной имперфективации, которые, однако, трудно использовать в качестве теста из-за того, что в них замена совершенного вида на несовершенный не является полностью автоматической. Это контексты отрицания в императиве и в зависимом инфинитиве.

1. В императиве замена совершенного вида на несовершенный происходит, если отрицательный императив имеет прохибитивное значение (*Позвони жене* – *Не звони жене*), но сов. вид сохраняется в том случае, когда отрицательный императив имеет значение предостережения. Отрицательный императив сов. вида обычно употребляется в контексте глаголов неконтролируемого действия (*Не проговоришься*, *Не урони*, *Не опоздай*), но возможен также и для обычных глаголов действия, в результате чего возникает оппозиция значения неконтролируемого события и контролируемого действия, выражаемая видом, – и тем самым «замена» оказывается не автоматической, а значимой (ср. [Булыгина 1982: 75]):

- (7) *Расскажи* ему об этом – *Не рассказывай* ему об этом – *Смотри, не расскажи* ему об этом.

Если ограничиться обычным прохибитивным значением, то отрицательный императив можно было бы считать контекстом обязательной имперфективации, наряду с наст. историческим и многократностью. Здесь, однако, имеется то отличие, что при наличии двух конкурирующих имперфективов между ними может возникать отчетливое семантическое противопоставление (и тем самым замена снова оказывается не полностью автоматической), ср. *не ешь пирожок* (= 'не начинай есть') и *не съедай пирожок* (= 'не ешь до конца'). Конечно, строго говоря, лишь *не съедай пирожок* является отрицанием к *съешь пирожок*, поскольку *съешь пирожок* включает семантический компонент, указывающий на полное уничтожение объекта, а *не ешь...* его не содержит. Однако *не съедай...* несколько смещает фокус внимания по сравнению с исходным императивным высказыванием, потому что в *съешь...* этот компонент может находиться на периферии внимания участников коммуникации, а в *не съедай...* попадает в фокус.

2. Замена совершенного вида на несовершенный происходит также в зависимом инфинитиве при модальных словах и некоторых других типах подчиняющих предикатов, ср. *Надо спросить у Ивана – Не надо спрашивать у Ивана; Собираюсь пойти на семинар – Не собираюсь идти на семинар*. Ср. также следующий пример:

- (8) Но если бы помимо аналитической сноровки Федр за душой ничего не имел, я не желал бы ничего иного как *заткнуться* и – ни слова больше о нем. *Заткаться*, однако, не стоит (Р. Пирсиг. Дзен и искусство ухода за мотоциклом. Пер. с англ. М. Горшкова).

Глагол несов. вида *заткаться* в данном значении – весьма периферийный: очевидно, что он возник в данном тексте (обратим внимание на то, что это перевод с английского) исключительно в силу контекста, требующего несов. вида, т.е. в позиции обязательной имперфективации.

Однако при некоторых подчиняющих предикатах имеется значимая оппозиция вида подчиненного инфинитива – и тогда «замены» при отрицании не происходит. Так, *Здесь можно перейти улицу* означает физическую возможность, как и соответствующее отрицание: *Здесь нельзя перейти улицу*. При этом фраза *Здесь можно переходить улицу*, как и соответствующая отрицательная (*Нельзя переходить*) имеет пермиссивное значение.

Помимо перечисленных контекстов имперфективации, в русском языке имеется ряд типовых конструкций, где деривационно связанные между собой глаголы противоположного вида оказываются объединены определенным смысловым отношением (чаще всего – результативным), ср.:

- (9) Я читаю книгу, когда *прочитаю*, дам тебе; *Строили, строили*, и наконец *построили*; *Думал, думал*, и наконец *придумал*. *Искал, искал*, но так и не *нашел*; *Резал, резал* хлеб и *нарезал* целую тарелку.
- (10) Что ты делаешь? – *Решаю*, куда мы сегодня поедем; когда *решу*, скажу тебе; Что ты сейчас делаешь? – *Думаю*, как прикрепить эту ручку к двери. Когда *придумаю*, скажу; Зачем ты туда *лезешь*? – Когда *залезу*, скажу.

В эти отношения могут вступать как члены видовых пар, так и такие пары глаголов, которые никому не придет в голову считать видовыми (например, *думать – придумать*), несмотря на наличие результативного семантического отношения, сходного с тем, которое имеется в видовых.

В синтагматические отношения такого рода могут вступать не только два, но также три и более глаголов, ср.:

- (11) *Порежь*, пожалуйста, хлеб. – Я уже *нарезала* целую тарелку. Еще *резать*?

Это обстоятельство и дает некоторым лингвистам основание считать, что видовая коррелятивность в русском языке существует не в форме пар, а в форме многочленных «пучков», или «кластеров» (ср. [Janda 2007]). На наш взгляд, наличие такого рода пучков деривационно и аспектуально соотносительных между собой глаголов безусловно представляет собой интересную особенность системы русского глагола, но ни в коем

случае не отменяет видовой пары как конституирующей категории русской аспектуальной системы.

Каждое предложение в примерах (9) и (10) содержит глагол несовершенного и глагол совершенного вида, между которыми имеется семантическое противопоставление 'процесс' – 'результат'. Тем не менее, только глаголы *строить – построить, читать – прочесть и решать – решить* образуют видовую пару. Действительно, глагол *думать* ни в каком контексте не может обозначать ту же ситуацию, что глагол *придумать*, и то же самое верно для глаголов *искать – находить, лезть – залезть, резать – нарезать*.

Напротив, тот факт, что в ряде контекстов члены видовой пары могут быть семантически противопоставлены друг другу, нисколько не ставит под сомнение их парность, а лишь доказывает, что большинство парных глаголов несовершенного вида, помимо тривиального событийного значения, обладают и другими значениями, которые глаголы сов. вида выразить не могут.

3. В ЗАЩИТУ ВИДОВОЙ ПАРЫ

Итак, мы считаем, во-первых, что понятие видовой пары должно определяться на основании критерия Маслова, и, во-вторых, что определяемая таким образом видовая пара является центральной категорией русской аспектуальной системы. Выше мы рассмотрели возможные аргументы против критерия видовой коррелятивности по Маслову, обратимся теперь к возможным аргументам против второго утверждения. Эти аргументы могут быть суммированы следующим образом:

1. Существование класса *imperfectiva tantum*.
2. Существование класса *perfectiva tantum*.
3. Существование «видовых троек», а также случаев, когда один глагол несов. вида является коррелятом к двум разным глаголам сов. вида.

Другими словами, наряду с глаголами, имеющими видовой коррелят, в русском языке есть, с одной стороны, глаголы, вообще не имеющие видового коррелята, а с другой – такие, у которых их два.

Покажем, что все эти аргументы нисколько не компрометируют понятие видовой пары.

3.1. Асимметрия классов *imperfectiva tantum* и *perfectiva tantum*

Существует мнение, что глаголы совершенного вида, обозначающие моментальные действия, не должны иметь имперфективных коррелятов, потому что ситуация, которую они обозначают, не может быть представлена как процесс; соответственно, имперфективный коррелят им оказывается «не нужен» и, тем самым, эти глаголы образуют естественный класс *perfectiva tantum*. В тех же случаях, когда глаголы сов. вида моментального действия все же имеют имперфективный коррелят (ср. *прийти – приходить, найти – находить, достичь – достигать, промахнуться – промахиваться, уронить – ронять* и многие другие), эти корреляты признаются дефектными глаголами несов. вида. Мы считаем, что эти глаголы, действительно, могли бы быть признаны «дефектными» в том смысле, что они не обладают специфическими для несовершенного вида значением процесса или состояния, – однако это обстоятельство не имеет никакого отношения к видовой коррелятивности, если понимать ее как способность глагола несов. вида замещать соотносительный глагол сов. вида в контекстах обязательной имперфективации. С точки зрения видовой коррелятивности моментальные глаголы несов. вида являются не «дефектными», а, наоборот, в некотором смысле «образцовыми» имперфективными коррелятами – поскольку в них функция воспроизведения всех свойств глагола сов. вида (включая его лексическое значение) представлена в чистом виде.

В силу того, что видовые пары в русском языке существуют только за счет контекстов обязательной имперфективации, видовая коррелятивность имеет асимметричное строение. Потребность в имперфективном корреляте возникает, когда говорящему тре-

буется найти глагол несов. вида, чтобы осуществить замену в позиции обязательной имперфективации. Поэтому у всякого глагола сов. вида теоретически должен найтись имперфективный коррелят (все случаи, когда это не так, требуют отдельного объяснения, см. ниже).

С глаголами *imperfectiva tantum* дело обстоит существенно иначе: отсутствие перфективного коррелята у них так или иначе обусловлено их семантикой. В рамках излагаемого здесь подхода вопрос о коррелятивности глаголов несов. вида следует сформулировать следующим образом: в каких случаях некоторый глагол несов. вида не составляет видовой пары ни к какому глаголу сов. вида? В общем виде на этот вопрос следует ответить так: в тех случаях, когда данный глагол не может – наряду с тем процессом, состоянием или свойством, которое он обозначает, – обозначать никакого события.

С концептуальной точки зрения все ситуации, описываемые глаголами русского языка, можно разделить на события и не-события. Не-событиями являются: предельные процессы (контролируемые и неконтролируемые), непредельные процессы, состояния и свойства. Данные ситуации описываются только глаголами несов. вида. События описываются прежде всего глаголами сов. вида, а также, в определенных контекстах, глаголами несов. вида. Соответственно, глагол несов. вида является парным, если в определенных контекстах он может описывать то же событие, которое «нормально» обозначается определенным глаголом сов. вида.

События могут быть концептуально связаны с не-событиями. Так, концептуально связаны: достижение предела (в частном случае, результата) и предельный процесс, переход в состояние и результирующее состояние, однократное действие и многоактный непредельный процесс, начало непредельного процесса и сам этот процесс. Парный глагол несов. вида должен «уметь» обозначать оба этих концептуально связанных явления. Как видно из данного перечня, свойства концептуально не связаны ни с каким событием и, тем самым, глагол несов. вида, описывающий свойство (ср. *состоять из трех частей, являться специалистом, косить на левый глаз*), не может оказаться парным: его перфективному корреляту, так сказать, нечего обозначать⁷. Во всех остальных случаях абсолютного семантического запрета на «парность» у глагола несов. вида, казалось бы, нет. Действительно, основной массив глаголов *imperfectiva tantum* составляют глаголы, обозначающие свойства и устойчивые соотношения (*содержать, состоять из, преобладать, зависеть, стоять, являться*). Однако класс *imperfectiva tantum* ими не исчерпывается.

Помимо свойств и устойчивых соотношений, частый случай непарных глаголов – глаголы состояния. Хотя многие глаголы внутреннего и перцептивного состояния несов. вида могут обозначать событие (а именно, наступление этого состояния) и вступают в корреляцию с глаголом сов. вида, обозначающим то же событие (ср. *видеть – увидеть, слышать – услышать, чувствовать – почувствовать, думать – подумать*), другие глаголы сходной семантики события обозначать не могут и, тем самым, оказываются вне видовой корреляции. Так, с глаголом *знать* безусловно связано событие ‘обрести знание’, однако это событие выражается в русском языке глаголом сов. вида *узнать* и его имперфективным коррелятом *узнавать* – а глагол *знать* оказывается вне видовой корреляции. Заметим, что, например, франц. глагол *savoir* и, реже, англ. *to know*, могут обозначать соответствующее событие, ср.⁸:

- (12) *фр.* Comment ai-je appris l'existence de cette opération? Je l'ai su par un jeune adolescent qui, par Internet, cherchait une solution pour sa mère souffrant de cette maladie – Как я узнала о существовании этой операции? Я узнала об этом от

⁷ Еще раз обратим внимание на то, что аналогичная аргументация для семантического обоснования класса *perfectiva tantum* не проходит: имперфективному корреляту глагола сов. вида не может быть «нечего обозначать»: достаточно того, чтобы он обозначал то же самое событие, что и глагол сов. вида (ср. *приходить, промахиваться*).

⁸ Примеры найдены в Интернете с помощью поисковой системы Google.

одного подростка, который искал в Интернете, как помочь своей матери, страдавшей от этой болезни.

- (13) *англ. I knew about it [the film] from the documentary «The Secret» – Я узнал об этом [фильме] из документального фильма «Секрет»; I was very upset when I knew about it [the accident] yesterday – Я очень расстроилась, когда вчера узнала об этом [несчастном случае].*

Состояние, обозначаемое глаголом *помнить*, может возникать как результат события, описываемого глаголом *вспомнить*, но не может обозначать самого этого события (ср. ...*и тут я помню, как его зовут); в этой функции может выступать лишь видовой коррелят глагола *вспомнить*, а именно, *вспоминать* (ср. и тут я вспоминаю...). Между тем во франц. языке глаголы *se rappeler* и *se souvenir* могут обозначать как состояние 'помнить', так и событие 'вспомнить'.

У состояния, описываемого глаголом *любить*, имеется естественное смежное событие 'начать любить'; это событие выражается глаголом сов. вида *полюбить*, который не имеет стандартного имперфективного коррелята в русском языке (см., однако, примеры в разделе 3.2). Глагол *предчувствовать*, очевидно, концептуально связан с событием 'возникло предчувствие', которое не имеет в русском языке однолексемного обозначения ни в сов., ни в несов. виде.

В целом, то же самое верно и для других типов состояний. Так, глагол *находиться* (где-то) (*Петя сейчас находится в Париже*) безусловно имеет начало: оно может быть выражено, например, глаголом сов. вида *оказаться* и его коррелятом *оказываться*. Но глагол *находиться* способностью обозначения начала состояния не обладает (ср. франц. глагол *se trouver*, который без труда выражает обсуждаемое значение).

Помимо глаголов, обозначающих состояния, непарным может оказаться также глагол, обозначающий процесс, в том числе целенаправленный. Яркий случай – это глагол *искать*. Этот глагол обозначает целенаправленный и (частично) контролируемый процесс, предполагающий вполне естественный результат. Однако данный результат выражается другим глаголом – *найти* (имеющим свой имперфективный коррелят *находить*) или *отыскать* (несов. *отыскивать*). Заметим, что не являются видовыми также пары *искать* – *отыскать* и *искать* – *разыскать*. Это значит, что семантика глагола *искать* принципиально не допускает возможности обозначения события⁹.

Итак, наличие у глагола несов. вида перфективного коррелята, или, точнее сказать, существование глагола сов. вида, такого, что данный глагол несов. вида является его имперфективным коррелятом, как правило, обусловлено семантическими причинами, а именно, тем, допускает ли концепт ситуации, заключенный в данном глаголе несов. вида, смежное событие (скорее всего – точку ее начала или завершения).

Для полноты картины следует упомянуть тот относительно редкий случай, когда глагол несов. вида оказывается непарным без всяких на то семантических оснований. Так, глагол *бить* в значении *бить* (посуду) не имеет собственно событийного значения и не является коррелятом к глаголу *разбить* (чашку, вазу), так как он требует множественного объекта и обозначает многоактное узуальное действие, ср. *Он выпил шампанское и разбил бокал – Он выпивает шампанское и разбивает/*бьет бокал*. С другой стороны, *бить* (по столу) имеет событийное значение и может использоваться как имперфективный партнер к *ударить*, при том, что у последнего есть регулярный коррелят

⁹ Многие учебники русского языка, предназначенные для иностранцев, последовательно признают глаголы *искать* – *находить* видовой парой. Это заблуждение легко объяснимо, ведь семантическое соотношение между этими глаголами такое же, как в классических видовых парах *ловить* – *поймать*, *решать* – *решить*. Все дело в том, что коррелятивность глаголов в последних двух парах (как и в любых других видовых парах) обеспечивается не характером семантического противопоставления, возникающего между глаголом сов. и несов. вида, когда они обозначают разные ситуации, а наоборот, их способностью, в определенных контекстах, обозначать одну и ту же ситуацию.

ударять, ср. *И тут он ударил кулаком по столу и позвал официанта – И тут он бьет кулаком по столу и зовет официанта*¹⁰.

Интересно, что в языке спортивных комментариев такое употребление конвенционализировалось, так что глагол *бить* стал единственным (супплетивным) имперфективным коррелятом глагола *ударить* (говорят *Тут он бьет по мячу и забивает гол*, а не **Тут он ударяет по мячу и забивает гол*).

3.2. Глаголы *perfectiva tantum* в контекстах обязательной имперфективации

Вернемся теперь к классу глаголов *perfectiva tantum*.

Хотя у отдельных глаголов моментального действия словарные имперфективные корреляты могут отсутствовать, их отсутствие обусловлено не тем, что не существует соответствующего процесса или состояния, а другими причинами, препятствующими образованию имперфектива (ср. [Маслов 1984; Падучева 1998]). Эти запреты или ограничения представляют собою не системное явление, а лишь индивидуальные свойства отдельно взятых глаголов сов. вида. При этом могут иметь место морфонологические запреты; в частности, наличие суффикса *-ну-* затрудняет, а в ряде случаев, особенно после гласной, блокирует образование имперфектива (*кануть, грянуть, глянуть, отпрянуть, хлынуть*). Другой пример морфонологического запрета (вернее, неудобства) образования имперфектива, нарушаемого лишь в ситуации словесной игры – глагол *очутиться*, ср. примеры из Интернета:

- (14) Как все здесь *очучиваются*, так и я очутился. Вот и я так же. *Очучиваюсь* то там, то тут¹¹.

Однако большинству глаголов сов. вида, которые в словарях и грамматиках описываются как *perfectiva tantum*, при необходимости носитель языка легко ставит в соответствие имперфективный коррелят, причем некоторые из таких глаголов входят в узус¹². Так, в статье [Храковский 2005: 52] к числу глаголов сов. вида, не имеющих имперфективного коррелята, отнесен глагол *поскользнуться*; между тем в современном языке от него свободно образуется коррелят *поскальзываться*. Ср. лишь некоторые из многочисленных примеров, содержащихся в «Национальном корпусе русского языка»:

- (15) Она могла часами бегать по льду и не падать, но нередко *поскальзывалась* на сухом асфальте (Н. Босмит. Все не так).
(16) А Мила тем временем *поскользнулась* на пышной фиоритуре, – так ворона *поскальзывается* на льду, что всегда ужасно забавно! (М. Вишневецкая. Вот такой гобелен).

Менее употребительны, но все же возможны имперфективные корреляты от глаголов *рухнуть* (на кровать)¹³, *уцелеть*. Ср. примеры из «Национального корпуса русского языка»:

¹⁰ В работе [Зализняк, Шмелев 2001] такие случаи описываются как случаи «незаконной видовой связи», а пары типа *ударить – бить* (кулаком по столу) называются «незаконными видовыми парами».

¹¹ Носители языка иногда осознают морфонологические трудности, связанные с образованием имперфектива от таких глаголов – ср. вопрос, заданный на форуме «Говорим по-русски» радиостанции «Эхо Москвы»: *Если я позавчера «очутился» в гастрономе «Новоарбатский», вчера очутился там же, сегодня – там же, то я каждый день в этом гастрономе что, «очучиваюсь» что ли? или «очучаюсь»?*

¹² Отсутствие в словарях таких глаголов объясняется, с одной стороны, тем, что потребность в них в основном возникает в разговорной речи; с другой стороны, тем, что они образуются с помощью регулярной имперфективации (т.е. так же автоматически, как, например, делимитативы, которые тоже далеко не всегда и не все приводятся в словарях, см. ниже).

¹³ От глагола *рухнуть* в таких употреблениях, как *Здание рухнуло* регулярным имперфективным коррелятом является глагол *рушиться* (ср. пример из «Национального корпуса русского языка»: *Так мало того, что рушатся балконы – одесситы рискуют провалиться под землю* (Гнилая жемчужина)).

- (17) Этак иногда *рухал* на койку («костями») Зыбин, а он его ругал: «Что за свинство, уж лень даже и разуться!» (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).
- (18) Вздыхнув с облегчением, что это сон, он *рухал* на спину и... снова погружался в мир падающих стен, словно поверяя, но уже из-под башни, мечту Галилея о свободном падении (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен).
- (19) Большой поэт целиком *уцелевает* в подстрочнике (М. Цветаева. Дневниковые записи).
- (20) А семья и дом – это такая крепость, в которую приходишь, закрываешь дверь и... *уцелеваешь* (Интервью Виктории Токаревой).
- (21) Какие травинки *уцелевают*, в то время как выдираются с корнями дубы, заросли кустов и толщ трав (В. Маканин. Стол, покрытый сукном и с графином посередине).

Несложным поиском в Интернете находятся сотни примеров, содержащих имперфективные корреляты, образованные говорящими для «безусловных» *perfectiva tantum* *поперхнуться, состояться, соскучиться, ринуться, устыдиться, встрепенуться, нагрять, проворонить* и др. (соответственно *поперхиваться, составлять, соскучиваться, ринаться, устыжаться, встрепенаться / встрепенываться, нагрывать / нагрядывать, проворанивать*). Приведем лишь некоторые примеры:

- (22) Открывает глаза, *встрепенается*, но потом, видимо, поняв, что рядом мое надежное плечо, опять закрывает глаза.
- (23) И в этот момент наркоман *встрепенается* и, положив одну руку мужчине на плечо, а другой указывая куда-то в проход, медленно, но абсолютно членораздельно...
- (24) – Что? – радостно *встрепенывается* Лотор.
- (25) С новым тренером все команды немного *встрепенаются*, а потом...
- (26) В таких случаях Гена открывает глаза, *встрепенается* и начинает судорожно писать что-то в журнале лишь с тем, чтобы опять отключиться полминуты спустя.
- (27) Кто меня желает – у себя ли, у меня ли – звоните, пишите, *нагрывайте!*
- (28) Буду *нагрывать* вам в гости и терзать вашу сеть.
- (29) Я периодически *нагрядываю* к приятелю, который купил ПоверБук.
- (30) Так что, *нагрядывайте*... особенно с коньячком.
- (31) Похоже, вы чего-то *недоглядываете*.
- (32) Это чудесное мгновение, которое ты все время *провораниваешь*.

Ср. также примеры вторичной имперфективации в диалектной и разговорной речи в статье [Ровнова 1997]: *вскипячивать, украдывать, задавливать, задушивать* и др.

Степень частотности и стилистической приемлемости таких глаголов весьма различна. Например, вряд ли можно серьезно относиться к глаголу *сканчиваться*, который встречается во всем русском Интернете лишь несколько раз. С другой стороны, глагол *полюблять* в значении 'начинать любить' оказывается достаточно частотным, однако употребляется он в основном в контексте языковой игры (в примере (33), представляющем собою пересказ содержания кинофильма, – подражание полублатному жаргону) и воспринимается как крайне вульгарный:

- (33) Преуспевающий киллер русского происхождения мочит всех подряд и случайно грохает брата ослепительной женщины. В результате неслучайной встречи он *полюбляет* ее, а она – его (kinoafisha.ru).

Ср. также следующий пример из книги Ю. Карабчиевского «Воскресение Маяковского», в котором пересказывается содержание повести Осипа Брика «Не попутчица» (при пересказе произведений обычно используется настоящее историческое). Использование вульгарного глагола *полюблять* призвано подчеркнуть пошлость повести:

- (34) В дальнейшем муж Велярской, коварный нэпман, толкает ее на знакомство с Сандраровым, чтобы использовать этого партийного деятеля в корыстных целях. Велярская *полюбляет* Сандрарова (тот является к ней под чужой фамилией – жуть как интересно, просто дух захватывает) и хочет от него любви и любви, а он все никак, а вместо того учит ее коммунизму.

Итак, видовая коррелятивность – это механизм, ставящий в соответствие каждому глаголу сов. вида глагол несов. вида, на который данный глагол сов. вида должен быть заменен в позиции обязательной имперфективации. Соответственно, видовая пара – это результат действия данного механизма. При этом видовая пара может быть словарной или потенциальной. С некоторыми оговорками (см. ниже) этот механизм применим ко всем глаголам совершенного вида, т.е. является универсальным. Универсальность этого механизма никак не дискредитируется наличием класса *imperfectiva tantum*, поскольку видовая коррелятивность асимметрична и действует в направлении от глагола совершенного вида к глаголу несовершенного вида.

Что касается глаголов *perfectiva tantum*, то помимо перечисленных выше нескольких слов, содержащих морфонологические запреты на образование имперфектива, в русском языке имеется несколько классов глаголов, по разным причинам не образующих имперфективных коррелятов путем морфологической имперфективации. Это глаголы инхоативного (*забарабани́ть*), делимитативного (*почита́ть*) и дистрибутивного (*повыбрасыва́ть*) способов действия.

Для инхоативов не существует морфологического запрета на образование вторичного имперфектива. Так, от глагола *забарабани́ть* (*Дождь забарабанил по крыше*) без труда образуется имперфектив *забарабанива́ть*. Однако, как уже говорилось, в большинстве случаев, когда такая необходимость возникает, глагол инхоативного способа действия заменяется либо на мотивирующий глагол (при этом собственно инхоативная семантика сохраняется за счет контекста), либо на конструкцию с глаголом *начина́ть*¹⁴. Так, глагол *плака́ть*, который в стандартном употреблении мог бы быть истолкован по схеме *X плачет* = ‘у X-а текут слезы из глаз из-за душевных переживаний’, может заменять в контексте Маслова глагол *заплака́ть* (*X заплакал* = ‘у X-а начали течь слезы из глаз из-за душевных переживаний’). Ср.: *Она заплакала и сквозь слезы сказала...* – *Она плачет и сквозь слезы говорит...* (контекст наводит значение начинательности).

Глаголы дистрибутивного способа действия (типа *повыбрасыва́ть*) не допускают имперфективации, потому что они уже содержат имперфективирующий суффикс. В контекстах имперфективации такие глаголы будут заменены на мотивирующий глагол несов. вида (*выбрасыва́ть*) с потерей семы дистрибутивности, что может быть компенсировано лексическими средствами (ср. *Повыбрасывал все газеты – Выбрасывает газеты все до одной*).

Делимитативы не допускают морфологическую имперфективацию из-за возникающей омонимии с прерывисто-смягчительным способом действия (*почитыва́ть*). Фактически же функцию имперфективного коррелята к делимитативному глаголу выполняет сам мотивирующий глагол, ср.:

- (35) Он *пришел* домой, *посмотрел* новости, *почитал* газету и *лег* спать – Он *приходит* домой, *смотрит* телевизор, *читает* газету и *ложится* спать.

Таким образом оказывается, что глаголы, допускающие как предельное, так и неопредельное понимание, могут входить в две пары – соответственно, результативную и делимитативную, ср. *чита́ть* – *прочита́ть* (рассказ) и *чита́ть* – *почита́ть* (газету) (некоторое время), *смотре́ть* – *посмотре́ть* (фильм) и *смотре́ть* – *посмотре́ть* (новости) (некоторое время); ср. примеры типа *обсудить / пообсуждать вопрос*; *заполнить / позаполнять анкету* из статьи [Мелиг 2006]¹⁵.

¹⁴ См. об этом подробнее [Зализняк, Шмелев 2002].

¹⁵ Тем самым, глаголы *чита́ть*, *смотре́ть* и многие другие бесприставочные глаголы несов. вида фактически распадаются на два значения, предельное и неопредельное (ср. вендлеровские категории *accomplishment* и *activity*). См. об этом подробнее в [Dickey 2006].

Поскольку в ходе обязательной имперфективации делимитатив регулярно заменяется на исходный глагол несов. вида, можно было бы считать, что согласно критерию Маслова, делимитативы входят в видовую пару с мотивирующим глаголом.

Такая трактовка, однако, входит в противоречие с традиционным решением, согласно которому делимитативы являются лишь способом действия и находятся за пределами видовой коррелятивности. Этот подход обосновывается прежде всего семантически: действительно, делимитатив обозначает процесс, пусть и ограниченный начальным и конечным пределом. Другими словами, делимитативы обозначают не совсем «полноценные» события. Это свойство делимитативных глаголов находит отражение в их языковом поведении: подобно процессным глаголам несовершенного вида, делимитативные глаголы могут присоединять обстоятельство длительности, выраженное именной группой в винительном падеже (ср.: *спал сорок одну минуту* – *поспал сорок одну минуту*), что, в принципе, исключено для «нормальных» глаголов сов. вида. Но из этих особых семантических свойств делимитативов никаким образом не вытекает, что они не могут вступать в видовую корреляцию. Скорее напрашивается вывод о том, что эти глаголы обозначают особый тип событий, которые сводятся к ограниченному во времени отрезку процесса. При этом соответствующий бесприставочный глагол регулярно выражает то же значение в контексте временного ограничения. Ср. следующее рассуждение Стивена Дики:

[...] by expressing a perfective construal of atelic activities, delimitatives in fact perform a crucial systemic function in Russian – the extension of the aspect opposition to a whole class of atelic verbs, i.e. Vendler's activities. However, despite this crucial function, delimitative verbs have not traditionally been considered pf «partner» verbs of their source verbs. [...] And yet it is clear that delimitatives in *po-* are more important to the system of Russian aspect than most other kinds of procedural verbs [Dickey 2007: 332].

Другое возражение против признания пар «процессный глагол – образованный от него делимитатив» видовыми носит системный характер: делимитативы свободно и регулярно образуются от глаголов несов. вида с процессным значением, настолько регулярно, что далеко не всегда указываются в словарях. При этом главной функцией делимитативов является как раз «перфективизация» неопределенного глагола, которая позволяет представить процесс как событие и встроить его в цепочку других событий. Таким образом, и формально (приставка), и семантически («порция» процесса), и функционально (необходимость вставить процесс в цепочку событий) глагол сов. вида оказывается производным от глагола несов. вида. Тем самым здесь мы имеем дело с соотношением, противоположным тому, которое лежит в основе видовой коррелятивности и состоит в том, что глагол несов. вида по крайней мере семантически и функционально является производным от глагола сов. вида. Однако это не означает, что делимитативные пары ни в коем случае нельзя считать видовыми: независимо от того, как «возникают» эти глаголы (см. выше), как таковые они выдерживают тест Маслова, т.е. наряду с зависимостью в направлении от мотивирующего глагола несов. вида к делимитативу (*читать* → *почитать*), имеется и обратная функциональная зависимость, обнаруживающая себя в позиции обязательной имперфективации: *почитать* → *читать* (эти контексты задают прочтение процессного глагола как обозначающего порцию процесса).

Впрочем, вопрос о статусе пар «процессный глагол – образованный от него делимитатив» носит в значительной мере условный характер. Дело в том, что в контекстах Маслова замена на бесприставочный глагол для делимитативов настолько регулярна, что для них достаточно сформулировать соответствующее общее правило (тем самым необходимость указывать в словаре, что делимитатив входит в видовую пару с мотивирующим бесприставочным глаголом, отпадает).

Несколько иначе обстоит дело с пердуративными глаголами. В отличие от делимитативов, пердуративы иногда образуют вторичные имперфективы, ср. *просидеть* – *просиживать*, хотя от некоторых из них образование вторичных имперфективов за-

труднено [Зализняк, Шмелев 2000: 113]. В последнем случае в качестве «заменителей» в контекстах Маслова могут выступать соответствующие бесприставочные глаголы, ср.: *Он сел за компьютер, проработал всю ночь, но утром свалился от усталости и так и не успел отослать статью в срок* – *Он садится за компьютер, работает всю ночь, но утром сваливается от усталости и так и не успевает отослать статью в срок*. Однако считать их видовыми коррелятами как будто нет оснований.

4. ВИДОВЫЕ ТРОЙКИ

Вопросу о статусе «видовых троек» в русской аспектуальной системе посвящена обширная литература (см., в частности [Апресян 1995] с дальнейшей библиографией, [Guiraud-Weber 2004: 26–28; Гиро-Вебер, Микаэлян 2006; Ясаи 2001; Петрухина 2001: 89–100; Храковский 2005]). Здесь мы выскажем лишь некоторые, наиболее существенные для обсуждаемой проблемы соображения.

«Видовыми тройками» обычно называют тройки глаголов, состоящие из одного приставочного глагола сов. вида и двух деривационно связанных с ним глаголов несов. вида – вторичного имперфектива и мотивирующего бесприставочного глагола: *съесть* – *съедать/есть*, *вылечить* – *вылечивать/лечить*, *свить* – *свивать/вить*, *скомкать* – *скомкивать/комкать*, *склеить* – *склеивать/клеить* и т.п.¹⁶ При этом необходимо, чтобы в видовой тройке оба глагола несов. вида были близкими синонимами и претендовали на роль видового коррелята; так, тройка глаголов типа *писать*, *переписать*, *переписывать* не называется видовой тройкой, потому что глагол *писать* не может претендовать на роль имперфективного коррелята к *переписать*. Это регулярная суффиксальная видовая пара (*переписать* – *переписывать*) и рядом с ней исходный глагол несов. вида с другим значением.

Как известно, в русском языке имеется два основных морфологических типа видовых пар – суффиксальные и префиксальные. Добавление имперфективирующего суффикса образует морфологический имперфектив от глаголов с «полнозначными» приставками (*переписать* – *переписывать*), в префиксальную видовую пару входят глаголы с десемантизированными или «чистовидовыми» приставками (*построить* – *строить*, *написать* – *писать*). Поскольку, как было показано выше, видовая корреляция в русском языке может быть установлена только в направлении от глагола сов. вида к глаголу несов. вида, в случае префиксальных пар мы фактически имеем дело с депрефиксацией. Действительно, приставочное глагольное словообразование, хотя и сопровождается меной вида с совершенного на несовершенный, является лишь средством лексической деривации¹⁷.

Поскольку между «полнозначными» и «десемантизированными» приставками имеется весь спектр промежуточных случаев, естественно, что для многих глаголов оказы-

¹⁶ Бесприставочный глагол несов. вида может полностью совпадать с основой приставочного (*с-шить* – *шить*), а может содержать ту же основу, но с имперфективным суффиксом *а/я* (ср. *из-менить* – *менять*). Это интересный сюжет (см. [Levin 1984; Feldstein 2005]), который, однако, для нашей проблемы принципиального значения не имеет, поэтому мы его обсуждать не будем. Иногда к видовым тройкам относят также случаи, когда два глагола несов. вида представляют собой морфологические варианты, возникающие за счет вариативности суффикса или основы, ср. *простудиться* – *простужаться* и *простуживаться*, *обернуть* – *обертывать* и *оборачивать* (первый основной тип избыточной аспектуальной парадигмы согласно [Апресян 1995]). Однако это обычная морфологическая вариативность (т.е. отношение между двумя глаголами несов. вида), к проблеме видовой парности не имеющая отношения.

¹⁷ Глагольное словообразование, приводящее к возникновению глагола сов. вида, обозначающего событие, которое метонимически связано с процессом или состоянием, обозначаемым исходным глаголом несов. вида, часто называют «перфектив(из)ацией» (ср., в частности [Мелиг 1985; 2006; Пайар 1989; Раппопорт 1998; Dickey 2006]). Это понятие отражает некую когнитивную реальность (ср. переход от процесса к результату), однако к видовой коррелятивности в русском языке оно имеет лишь косвенное отношение.

ваются применимы оба механизма. Видовые тройки – это и есть результат совмещения двух морфологических средств образования видовых пар.

Итак, основным источником видовых троек является конкуренция двух механизмов аспектуальной деривации. Действию механизма вторичной имперфективации подвержен всякий глагол сов. вида (об ограничениях, в основном морфонологического характера, см. выше), независимо от того, входит ли он в видовую пару. Если для данного глагола сов. вида не существует никакого другого кандидата в имперфективные корреляты, то механизм вторичной имперфективации порождает его регулярный, отмечаемый в словарях, имперфективный коррелят (*опоздать* – *опаздывать*) или же представляет собой потенциальный коррелят (*нагрядывать*, *заподозривать* и т.п., см. 3.2 выше). В случае же, если существует первичный имперфектив, который также может претендовать на роль коррелята к данному глаголу сов. вида (т.е. задействован механизм депрефиксации) возникает потенциальная видовая тройка: *намылить* – *намыливать* / *мыть*, *забинтовать* – *забинтовывать* / *бинтовать*; *съесть* – *съедать* / *есть*. Отметим, что механизм суффиксального словообразования может «воскресить к жизни» глаголы несов. вида, вышедшие из употребления. Так, в русском Интернете спорадически встречаются глаголы *нарисовывать* и *написывать*, которые имеются в словаре Даля, но исчезли из позднейших словарей.

(36) [...] когда она одевает короткую юбку и ботфотры, а губы *нарисовывает* себе до ушей, глупая Тартилла Ивановна (www.yandex.ru).

(37) А *написывать* невзаимосвязанные цифры и выдавать их за статистику – неправильно (www.yandex.ru).

Таким образом оказывается, что один тот же глагол сов. вида вступает в корреляцию с двумя разными глаголами несов. вида, при этом статус этой корреляции может быть различным: от полной синонимии двух имперфективных коррелятов (и тогда два глагола несов. вида находятся в отношении свободного варьирования в пределах одной и той же пары, ср. пример (38)), до их дополнительного распределения по контекстам, означающего, что мы имеем дело с двумя парами, ср. (39):

(38) Она завела хомяка, и через два месяца он *погиб* – Каждый год она заводит хомяка, и через два месяца он *погибает/гибнет*.

(39) *сшить*¹ {два куска материи} – *сшивать*; *сшить*² {платье} – *шить*.

«Промежуточными» оказываются случаи типа *склеить* – *склеивать* {два куска бумаги}, но *склеить* – *склеивать* / *клеить* {коробочку}; *разделить* – *разделять* / *делить*, *схватить* – *схватывать* / *хватать* (см. примеры ниже) и многие другие, где в одном из значений у глагола сов. вида есть только один коррелят, а в другом исходный и вторичный имперфективы либо являются свободными вариантами, либо распределены таким образом, что говорящий выбирает вторичный имперфектив, когда хочет выразиться поточнее, т.е. обозначить компонент событийности эксплицитно, и бесприставочный глагол несов. вида, когда хочет сказать покороче – оставляя тем самым смысл событийности выраженным лишь за счет контекста. (Речь идет, естественно, лишь о контекстах Маслова; в прочих случаях соотношение между приставочным и бесприставочным глаголом несов. вида – это проблема лексической синонимии, к виду отношения не имеющая.)

Так, в тройке *разделить* – *разделять* / *делить* глаголы *делить* и *разделять* в большинстве случаев соотносятся с разными типами употребления глагола *разделить* (ср. (40а) и (40б)), однако есть небольшая зона, где глаголы *делить* и *разделять* оказываются в отношении конкуренции (ср. (40в)):

(40) а. Братья *делят* между собой наследство и разъезжаются.

б. И тут нас *разделяет* толпа.

в. В начале каждого семестра преподаватель *делит/разделяет* студентов на группы.

Аналогично в тройке *схватить* – *схватывать* / *хватать* имперфективы *хватать* и *схватывать* вообще-то распределены по контекстам (*хватать* <что-то руками>, но *схватывать* <бревна железной скобой>), однако изредка встречаются случаи конкуренции, ср.:

- (41) Глухонемые возвращались и, естественно, ничего не говоря и даже не пыта-
ясь пальцами объяснить, бодро *схватывали* свой товар и следовали дальше
(Ф. Искандер. Ночной вагон).

Статус каждого из двух имперфективных членов тройки должен устанавливаться, отдельно для каждого значения (типа контекста), на основании анализа реально-
го употребления в определенный период времени – но это уже предмет отдельного
исследования.

Следует упомянуть также еще одно явление, имеющее отношение к видовым
тройкам, близкое, но не тождественное только что описанному. В небрежной, фа-
мильярной или профессиональной речи наблюдается тенденция в некоторых случаях
использовать бесприставочный глагол в том значении, которое имеет образованный
от той же глагольной основы вторичный имперфектив; при этом значение беспри-
ставочного глагола несколько сдвигается, ср. *рвать* <мосты> вместо *взрывать*; *рвать*
<зубы> вместо *вырывать*; *жечь* <письма> вместо *сжигать*, *бить* <масло> вместо *сби-
вать*, *писать* <на пленку> вместо *записывать*, *крепить* <балку> вместо *прикреплять*
и т. п. Здесь везде часть значения, уточняющая характер действия, которая вносится
приставкой, опускается как не стоящая упоминания, либо как очевидная, известная
посвященным (по принципу «*sapienti sat*»), что и придает таким глаголам особую
стилистическую окраску. Иногда, как уже говорилось выше (см. раздел 2.1) такой
бесприставочный глагол несов. вида может использоваться в контекстах Маслова –
в результате чего возникает «тройка», ср. употребление глаголов *рвать* (вместо
взрывать) и *рваться* (вместо *взрываться*) в событийном значении в контексте много-
кратности:

- (42) Казаки-повстанцы *рвали мосты*, устраивали крушения (М. Шолохов. Тихий
Дон. Книга вторая).
(43) Когда удалось прорваться к мосту, несмотря на точность бомбометания, кото-
рое достигалось «пикированием самолета», *бомбы рвались* в воде под мостом
(www.yandex.ru).

Еще один регулярный источник видовых троек – квазисинонимия приставочных
глаголов сов. вида, например, *помазать* <ранку йодом> и *намазать* <лицо кремом>. Гла-
гол *помазать* имеет коррелят *мазать*, а глагол *намазать* – коррелят *намазывать*. Од-
нако, в силу семантической близости данных двух глаголов сов. вида, сближаются и их
имперфективные корреляты, в результате чего на месте двух пар (*помазать* – *мазать* и
намазать – *намазывать*) возникает тройка: *намазать* – *намазывать* / *мазать*. Ср. так-
же две пары *померить* – *мерить* <платье> и *примерить* – *примерять*, «склеивающиеся»
в тройку *примерить* – *примерять* / *мерить*.

Без сомнения, видовые тройки бросают вызов и аспектологу и лексикографу. Дей-
ствительно, с одной стороны, существование видовых троек затемняет принципиально
бинарный характер видовой оппозиции; с другой стороны, видовые тройки с аспек-
тологической точки зрения могут быть устроены существенно по-разному и поэтому
не допускают единого лексикографического решения при их описании. Однако суще-
ствование троек ни в коей мере не ставит под сомнение ни существование видовой
корреляции как основополагающего структурного механизма, ни видовую пару как ее
материальное проявление. Оно лишь свидетельствует о том, что русский вид представ-
ляет собой сложную систему, которая постоянно эволюционирует.

5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Итак, несмотря на все проблемы, связанные с установлением видовых пар, мы не можем отказаться от понятия видовой коррелятивности, поскольку правила, описывающие автоматическую обязательную имперфективацию в контекстах Маслова, предполагают апелляцию к имперфективному корреляту исходного глагола сов. вида. Соответственно, понятие видовой пары (т.е. пары разнородных глаголов, в которой перфективный глагол заменяется на имперфективный в позиции обязательной имперфективации) представляет собою важнейший инструмент описания языковой компетенции носителя русского языка.

Значение глагола, используемого в позиции обязательной имперфективации, максимально соответствует значению перфективного глагола, который он заменяет: добавляются лишь дополнительные компоненты «многократности» или «изобразительности». Это дает основание говорить о «тождестве лексического значения». Употребление тех же самых имперфективных глаголов в контекстах иных типов может отличаться от их перфективных коррелятов более существенным образом.

Тем самым мы видим, что критерий Маслова, на основании которого устанавливается видовая коррелятивность, вовсе не является альтернативой семантическому подходу, основанному на представлении о «тождестве лексических значений» членов одной видовой пары. Напротив, он ориентирован на контексты, в которых это тождество проявляется в наибольшей степени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1980 – Ю.Д. *Апресян*. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Wiener slavistischer Almanach. Sbd. 1. Wien, 1980.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Трактат избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Апресян 2005 – Ю.Д. *Апресян*. Правила взаимодействия значений и словарь // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1.
- Булыгина 1982 – Т.В. *Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Гак 1996 – В.Г. *Гак*. Функциональные видовые пары в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.
- Гиро-Вебер, Микаэлян 2006 – М. *Гиро-Вебер*, И. *Микаэлян*. Проблема видовых соотношений и ее отражение в аспектологическом словаре // Ф. Леман (ред.). Глагольный вид и лексикография. Семантика и структура славянского вида. IV. München, 2006.
- Гловинская 1982 – М.Я. *Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Зализняк, Микаэлян 2007 – Анна А. *Зализняк*, И. *Микаэлян*. Видовые тройки в русской аспектуальной системе // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 20–23 марта 2007). Труды и материалы. М., 2007.
- Зализняк, Шмелев 2000 – Анна А. *Зализняк*, А.Д. *Шмелев*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Зализняк, Шмелев 2001 – Анна А. *Зализняк*, А.Д. *Шмелев*. Типы видовой связи // Труды междунар. семинара Диалог-2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Аксаково, 2001.
- Зализняк, Шмелев 2002 – Анна А. *Зализняк*, А.Д. *Шмелев*. Семантика начала с аспектологической точки зрения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.

- Зализняк, Шмелев 2004 – Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. О месте видовой пары в аспектуальной системе русского языка // *Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag. Germano-slavisches Beiträge. Bd. 21. München, 2004.*
- Исаченко 1960/2003 – А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. II. Братислава; М., 1960/2003.
- Маслов 1984 – Ю.С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Мелиг 1985 – Х.Р. Мелиг. Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов Зино Вендлера) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М., 1985.
- Мелиг 2006 – Х.Р. Мелиг. Глагольный вид и вторичная гомогенизация обозначаемой ситуации посредством квантификации: К употреблению делимитативного способа действия в русском языке // Ф. Леман (ред.). Глагольный вид и лексикография. Семантика и структура славянского вида. IV. München, 2006.
- Пайар 1989 – Д. Пайар. К теории перфективизации // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. Ч. I: Семантика времени и вида. М., 1996.
- Падучева 1998 – Е.В. Падучева. Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии // *RLing. V. 22. 1998.*
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Перцов 2001 – Н.В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Петрухина 2000 – Е.В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским. М., 2000.
- Раппопорт 1998 – Г. Раппопорт. Перфективация состояний // Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Ровнова 1997 – О.Г. Ровнова. Имперфективация глагола в русских диалектах // Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М., 1997.
- Храковский 2005 – В.С. Храковский. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении. № 9. 2005.
- Шатуновский 1996 – И.Б. Шатуновский. Семантика предложения и нерелевантные слова. М., 1996.
- Шмелев 2008a – А.Д. Шмелев. Имперфективизация и видовая корреляция // *Aspekte, Kategorien und Kontakte slavischer Sprachen. Festschrift für Volkmar Lehmann zum 65. Geburtstag. Hamburg, 2008.*
- Шмелев 2008b – А.Д. Шмелев. Имперфективация и толковый словарь // С любовью к слову. *Festschrift in honour of professor Arto Mustajoki on the occasion of his 60th birthday. Helsinki, 2008.*
- Ясан 2001 – Л. Ясан. О специфике вторичных имперфективов видовых корреляций // Исследования по языкознанию: к 70-летию чл.-корр. РАН А.В. Бондарко. СПб., 2001.
- Antinucci, Gebert 1975 – F. Antinucci, L. Gebert. L'aspetto verbale in polacco // *Ricerche Slavistiche. 1975.*
- Dickey 2006 – S. Dickey. Aspectual pairs, goal orientation, and *po*-delimitatives in Russian // *Glossos. Issue 7. 2006.*
- Dickey 2007 – S. Dickey. A prototype account of the development of delimitative *po*- in Russian // D. Divjak, A. Kochańska (eds.). *Cognitive paths into the Slavic domain. Berlin; New York, 2007.*
- Feldstein 2005 – R.F. Feldstein. On the aspectual derivation of «Dual Simplexes» // Восток – Запад: Вторая междунар. конф. по модели «Смысл ⇔ Текст». М., 2005.
- Guiraud-Weber 1986 – M. Guiraud-Weber. Sémantisme verbal et aspect en russe et en français // *Revue des études slaves. LVIII/4. Paris, 1986.*
- Guiraud-Weber 2004 – M. Guiraud-Weber. Le verbe russe. Temps et aspect. Aix-en-Provence, 2004.

- Janda 2007 – *L. Janda*. Aspectual clusters of Russian verbs // *Studies in language*. V. 31. 2007. № 3.
- Lehmann 1988 – *V. Lehmann*. Der russische Aspekt und die lexikalische Semantik des Verbs // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. 48 (1). 1988.
- Levin 1984 – *J.F. Levin*. Two types of perfective, three stems: problems and hypotheses // *M.S. Flier, R.D. Brecht (eds.). Issues in Russian morphosyntax*. UCLA Slavic studies. V. 10. Columbus, 1984.
- Mikaelian, Shmelev, Zalizniak 2006 – *I. Mikaelian, A. Shmelev, Anna A. Zalizniak*. Imperfectivization in Russian viewed through Internet data // *Annual AATSEEL meeting*. Philadelphia, 2006.
- Mikaelian, Shmelev, Zalizniak 2007 – *I. Mikaelian, A. Shmelev, Anna A. Zalizniak*. Imperfectivization in Russian: in search of functional correlates // *Annual AATSEEL meeting*. Chicago, 2007.
- Mikaelian, Shmelev, Zalizniak 2008 – *I. Mikaelian, A. Shmelev, Anna A. Zalizniak*. Le concept de couple aspectuel, est-il encore utile? // *Questions de linguistique slave*. Etudes offertes à Marguerite Guiraud-Weber. Aix-en-Provence, 2008.
- Mikaelian, Shmelev, Zalizniak 2009 – *I. Mikaelian, A. Shmelev, Anna A. Zalizniak*. Imperfectivization in Russian // *Meaning-Text Theory 2007, Proceedings of the 3rd International conference on Meaning-Text theory*, Klagenfurt, May 20–24, 2007. *Wiener Slawistischer Almanach*. Sbd. 60. München; Wien, 2007.
- Mikaelian, Zalizniak 2007 – *I. Mikaelian, Anna A. Zalizniak*. Why do triplets not compromise pairs? // *Annual AATSEEL meeting*. Chicago, 2007.